

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Т.Ю. БОРИСОВА

Стрессоустойчивость российского права
(роль права в годы революций начала XX в.)*

В статье рассматривается вопрос о применении концептуальной рамки стрессоустойчивости для анализа выживания института права на фоне острейшего политического, социального и экономического кризиса и революций 1905–1917 гг. Анализ ресурсов сохранения права как института показывает ключевую роль взаимодействия суверена, посредников и народа как основы функционирования институтов государственной власти в России. Особенности их взаимодействия в революционный период, описанные в статье, помогают осмыслить российскую правовую традицию.

Ключевые слова: российское право, российская правовая традиция, суверенитет, стрессоустойчивость, право и революция.

DOI: 10.31857/S086904990005090-1

Во многом под влиянием недавних “цветных” революций в мировом юридическом сообществе наблюдается рост интереса к теоретическому и практическому изучению феномена революционной законности. Несмотря на то, что понятие “революционная законность” может звучать как оксюморон, исследователи, в частности историки права, подчеркивают ключевое значение революционных периодов не только для развития права, но и для юридической науки в целом [Rajkovic, Aalberts, Gammeltoft-Hansen 2016]. В частности, указывается на большой методологический потенциал трудов, посвященных революционной законности, для понимания сущности дореволюционного и послереволюционного развития права в рамках отдельной правовой традиции и международного права [Kumar 2016].

В данной статье рассматриваются два взаимосвязанных вопроса. Каким образом обращение к периоду революций 1905–1917 гг. может быть полезно для анализа основных черт и ресурсов функционирования российского права? Какие черты российского права имперского периода повлияли на социалистическую законность? Чтобы ответить на эти вопросы, я применяю концептуальную рамку, перекочевавшую из сферы естественных и технических наук в современный политический анализ, – стрессоустойчивость. Это понятие (англ. *resilience*) применяется с 1970-х гг. как рамка анализа адаптивности и выживания экологических, социальных и политических систем.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 17-18-01110).

Б о р и с о в а Татьяна Юрьевна – кандидат исторических наук, доктор права, доцент департамента истории Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Санкт-Петербург). Адрес: 190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16. E-mail: tborisova@hse.ru

Преемственность, правовые традиции и стрессоустойчивость

К. Холлинг в классической работе “Стрессоустойчивость и стабильность экологической системы” определял стрессоустойчивость как “меру стойкости систем и их способность поглощать изменения и нарушения, поддерживая те же соотношения между популяциями или переменными состояниями” [Holling 1973, р. 1]. В отличие от изысканий в технических науках, которые изучают процесс стабилизации системы путем возвращения к исходным характеристикам, исследователи стрессоустойчивости в природе обращают особое внимание на реструктуризацию систем в кризисных ситуациях. Другими словами, для естественников стрессоустойчивость стала рамкой изучения того, как благодаря своим внутренним ресурсам и внешним источникам система восстанавливается в условиях нестабильности и сохраняет свои ключевые особенности. Таким образом, стрессоустойчивость как рамка анализа позволяет сфокусировать внимание на тех ресурсах системы, которые обеспечивают жизнеспособность ее ключевых функций. При этом важно подчеркнуть, что стрессоустойчивость сама по себе не является “положительной” характеристикой¹ — это свойство, которое присутствует во всех системах.

Внимание к стрессоустойчивости представляется особенно важным в исследовании систем с высоким уровнем нормативности (право — одна из них). В таких системах большую роль играют идеально-типические конструкции, а именно, специфические представления о том, какие ценности являются самыми важными в системе.

Так, например, в российском праве XVIII–XXI вв. можно выделить два основных режима нормативности. При этом универсалистский (либеральный) режим, подчеркивающий нормативный смысл права, сталкивается с традиционным (консервативным) режимом, для которого закон служит средством защиты национальных традиций и текущих политических интересов. Столкновение двух данных подходов к российскому праву сформулировано в борьбе двух лозунгов: “верховенство права” против “диктатуры закона”. Оба они настаивают на приоритете правовой защиты народа, но представляют ее по-разному. Первый подход подчеркивает необходимость защиты индивидуальных прав и свобод, которые постоянно оспариваются государством, а второй подчеркивает ценность общественного порядка и интересов государства, воплощенных в законодательстве. В первом случае приоритет имеют универсальные ценности прав человека, защищаемых законом, в то время как второй демонстрирует позитивистское понимание закона без нормативной привязки к доктрине прав человека или естественного права. С конца XVIII в. споры между двумя подходами приняли форму политической дискуссии, и наоборот, в политической дискуссии используются правовые аргументы.

Таким образом, оппоненты усматривали в российском праве “позитивные” или “негативные” черты в соответствии с их собственными политическими взглядами и задачами текущего момента. Вследствие чего дискуссия о сущности права в России затруднена разноплановыми политическими контекстами и требованиями исторического момента, и это отчетливо обнаружилось в периоды радикальных политических изменений. Потому исторический анализ преодоления кризиса правовой системы в революционный период 1917 г. представляется принципиально важным: именно в процессе превращения имперского права в советское рельефно проявились основные функции российского права.

Право на службе большевиков?

Общеизвестно, что революции 1905 и 1917 гг., уничтожение института монархии и крах Российской империи стали следствием кризиса легитимного правления имперских элит, имперского государства и его правопорядка. В обстановке острого политического кризиса и милитаризованных практик управления право как институт подвергалось сомнению. В основополагающей теоретической работе В. Ленина 1917 г. “Государство и ре-

¹ Благодаря М. Тисье за внимание к этому вопросу в комментарии к ранней версии данной статьи.

волюция” и право, и государство объявлялись рудиментами прежнего строя [Ленин т. 33]. Однако в конечном счете институт права пережил Октябрьскую революцию и оказался устойчивым элементом структуры государственной власти [Berman 1983].

Существующая литература выделяет два основных фактора, которые следует учитывать при анализе этапа формирования советского права. Первый – легализованное насилие, особенно в первые десятилетия существования советского строя. Второй – инерция административных инструментов, в том числе использование дореволюционных юридических практик как технократических [Holquist 2010]. Насилие и инерция не обязательно противоречили друг другу. Напротив, они переплетались и формировали сложный прагматический контекст создания и применения законов в Советской России.

Действительно, большевики взяли власть во время войны, и практика мобилизации военного времени послужила основой для формирования советского государства и правопорядка. Тем не менее исследователи признают, что, несмотря на милитаризацию управления и террор, среди очень немногих институциональных основ советской внутренней политики закон сыграл заметную роль [Holquist 2003]. В 1932 г., закрепляя теорию революционной законности по итогам 15-и лет советской власти, ее юридический авторитет, А. Вышинский, сетовал на преклонение перед авторитетом советского закона как на “оковы пролетарской революции” [Вышинский 1932, с. 66].

Было бы неверно рассматривать зарождение советского права исключительно как утилитаризацию формы права для легитимации насилия революционными властями. В последние годы представление о том, что Советы использовали форму закона как инструмент легитимированного насилия, господства и контроля [Фельдман 2006], дополнились новой литературой о первых годах советской власти на местах. Эти исследования показывают, что право продолжало оставаться важным социально-политическим контекстом будней советских людей и властей [Retish 2013]. Для центральной власти в Петрограде, а потом в Москве, советское право стало инструментом укрепления советской идеологии и эффективности управления. В то же время на местах юридические процедуры играли большую роль в разрешении споров и в борьбе с социальным насилием в городской и деревенской среде.

Конечно, власти, граждане и посредники не были равноправны в использовании закона. Тем не менее в разрешении тех или иных правовых коллизий участие всех сторон считалось важным для функционирования системы права в целом. Об этом можно судить по словам И. Сталина из письма Л. Кагановичу по поводу проведения коллективизации в 1932 г.: “Мужик любит законность” [Сталин и Каганович... 2001, с. 246]. Приводя этот аргумент, Сталин настаивал на использовании обычных судов, а не политической полиции, для пресечения случаев кражи социалистической собственности. Таким образом, можно предположить, что рамка закона, наряду с репрессиями, была важным средством эффективного применения новых политических мер в деревне. Чтобы превратить “социалистическую собственность” в правовую концепцию, ее должны были артикулировать в судах различные посредники закона. Тем самым понятие “социалистическая собственность” пропагандировалось как норма жизни, согласная с правовой волей народа.

Этот пример схематично позволяет выделить взаимодействие трех ключевых элементов функционирования системы российского права: суверен, народ и посредники между ними (судьи, чиновники, адвокаты, администраторы и т.п.). Революционный кризис 1905–1917 гг. стал результатом нарушения существовавших в их взаимоотношениях конвенций. Ниже будет показано, как система выходила из кризиса.

Суверен как гарант правового порядка

Суверен играл принципиальную роль в системе российского права. Как показал Р. Уортман, роль царя в качестве опоры государственности Российской империи транслировалась в многочисленных сценариях власти [Уортман 2004]. Н. Карамзин конкретизировал принципиальную роль монарха в государстве – он есть “живой закон” [Карамзин 2005]. Фактически царь легитимизировал все нормативные акты, которые

издавались в форме реализации царской воли специально уполномоченными людьми. При этом его власть формально была неограниченной, и он сам мог выходить за рамки им же утвержденных законов. Данную черту суверенной власти в России сторонники универсального подхода к праву обычно называли “деспотизмом”.

В имперский период суверен выступал как основное звено и гарант функционирования режима коллективных прав имперского правления [Burbank 2006]. Этот режим подразумевал гибкий подход к правовому регулированию для разных территорий и проживающих на них этнических и социальных групп. Существование различных правовых режимов, в зависимости от региона и социальной группы, вырабатывалось путем диалога в рамках расширения Евразийской империи. “Коллективные права”, предусмотренные в письменном законе Российской империи и гарантированные сувереном, как правило, не навязывались царем в одностороннем порядке, а обсуждались с элитами каждой группы. Порядок и социальная справедливость, обеспечиваемые имперским правом, воспринимались при этом в терминах “традиции”. Преемственность народных традиций гарантировалась сувереном, власть которого была представлена как патриархальная. Вот почему в представлении последнего суверена из династии Романовых крестьяне воспринимались как естественные сторонники самодержавия, что отразилось в избирательном законе I Государственной думы, по которому она должна была быть “мужицкой” [Ганелин 1991].

Важно подчеркнуть: царь давал закон и контролировал его исполнение на основе взаимных обязанностей суверена и народа. Государственные институты призваны были обеспечить безопасность и порядок через процедуры восстановления прав административными и судебными органами имперской власти. В ответ население, со своей стороны, предоставляло ресурсы, необходимые для функционирования государственных институтов. Работу государственных органов и реализацию действовавших нормативно-правовых актов обеспечивали разного рода посредники: чиновники, выборные представители тех или иных социальных групп, адвокаты и т.п. [Borisova, Burbank 2018; Burbank 2015].

Революция 1905 г. и Февральская революция 1917 г. уничтожили институт самодержавной власти суверена, оставив вопрос об источнике и форме суверенной власти открытым. В отличие от Временного правительства, которое отложило принятие всех принципиальных решений до созыва Учредительного собрания, большевики сразу же предприняли шаги для построения именно суверенной власти. Л. Троцкий подчеркивал, что большевики извлекли уроки из опыта Парижской коммуны в понимании необходимости покорения государства, чтобы использовать государственные инструменты принуждения против своих врагов [Trotsky 1961].

Надо сказать, что многие российские революционеры, не только В. Ульянов (Ленин), изучали право в университетах именно с целью дальнейшего его использования в борьбе с самодержавным режимом [Ковалева 2002]. Придя к власти, они применяли его вместе с практикой террора, чтобы создать основную концепцию новой политической и правовой системы: суверенной революционной власти. Первые декреты “О мире” и “О земле”, принятые в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов, были направлены на то, чтобы заявить о суверенитете нового правительства путем радикального отхода от существующего порядка. Декрет “О мире” разрывал соглашения с союзниками и порывал с международным сообществом вообще. Декрет “О земле” ликвидировал частную собственность и дезавуировал основу социально-экономических отношений.

Эти декреты обозначили решительный разрыв с царским прошлым, который Временное правительство не осмелилось осуществить без одобрения Учредительного собрания. Большевики использовали формат II Всероссийского съезда Советов для действий, позволяющих только суверену: они провозгласили радикальное изменение действительного порядка. В российской правовой традиции абсолютная власть предоставлять, создавать, изменять и нарушать законы принадлежала суверену. Каким образом большевики добились всей полноты суверенной власти?

Народ и посредники

Уже в самом начале советской власти источником ее легитимности был объявлен народ, получивший непосредственное представительство в Советах. Этот порядок, впервые установленный на II Всероссийском съезде Советов, впоследствии был закреплен в первой статье “Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа”, принятой 3 января 1918 г.: “Настоящим Россия провозглашена Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть, центральная и местная, принадлежит Советам” [Декреты 1957, т. 1]. Позднее Декларация была включена в Конституцию РСФСР 1918 г. в качестве первой главы, но уже без упоминания Учредительного собрания [Декреты... 1957, т. 2].

Большевики предложили Учредительному собранию принять Декларацию о провозглашении Советов главным источником власти. В противном случае Учредительное собрание могло бы конкурировать с Советами за первенство в представительстве воли народа. Именно поэтому в день созыва Учредительного собрания революционное правительство объявило его “контрреволюционным”, а Советы провозглашались единственным учреждением, представляющим волю народа. Свобода прессы была отменена.

5 января 1918 г. состоялось заседание Учредительного собрания, которое Всероссийским центральным исполнительным комитетом было объявлено антинародным на том основании, что его сторонники оспаривают власть Советов и поэтому являются врагами рабочих-крестьян и Октябрьской революции [Рабинович 2003].

Таким образом, большевики проявили небывалую оперативность, действуя и утверждаясь как суверен. Они создавали новый порядок, основанный на отрицании прошлого, и легитимизировали свой суверенитет, утверждая, что именно их декреты реализуют народную волю, единственным представительством которой они признавали Советы. Последнее стало возможным благодаря поддержке многих посредников-спецов. Большевики активно стремились заручиться поддержкой технических специалистов прежнего режима, готовых стать их посредниками в осуществлении власти по всей стране [Borisova 2012]. Осуществляя террор против контрреволюции, революционные лидеры пытались одновременно создать четкие формальные практики для осуществления захваченной ими власти [Barry, Berman 1968]. Посредники власти предыдущего режима, сочувствующие новым властям, пользовались огромным спросом.

На пятый день Октябрьской революции, 30 октября 1917 г., Совет Народных Комиссаров опубликовал декрет “О порядке утверждения и опубликования законов” [Декрет СНК... 1917]. Важность этого документа была отмечена его риторическим заключением “во имя республики”, которое включалось только в законодательные акты, имеющие принципиальное политическое значение. Этот декрет, как и последующие подобные акты, был направлен на то, чтобы дать возможность новому руководству страны быстро овладеть дореволюционной законодательной практикой. Декрет предусматривал правила для официального опубликования законов в “Собрании узаконений и распоряжений временного рабочего и крестьянского правительства”, которые продолжали дореволюционные процедуры публикации.

Следует подчеркнуть, что большевики тогда были отнюдь не единственной силой, стремившейся обеспечить публикацию законов квалифицированными посредниками, видя в этом важное средство управления. Так, в течение 1918 г. правительство А. Колчака — одного из самых мощных антагонистов большевиков в Сибири — опубликовало собственный бюллетень под названием “Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате” [Borisova 2012; Борисова 2011]. Как известно, на самом деле в правительстве Колчака не было Сената. Однако вполне вероятно, что использование и красными, и белыми прежнего названия законодательного бюллетеня имело одну и ту же цель: сохранить юридические практики прежнего режима, подчеркивая тем самым законность режима собственного, придавая ему вид правопорядка.

Сходство формальных особенностей “красного” и “белого” законодательства как специфической функции осуществления власти поразительно [Borisova 2012; Борисова 2011]. И теми, и другими закон рассматривался прежде всего как организационная техника, которая должна быть захвачена наряду с телефонными линиями, железнодорожными станциями и телеграфом. Кроме того, сама символическая сила формы закона сыграла определенную роль в содействии легитимации нового режима.

Помимо дореволюционной практики публикации законов, большевики успешно использовали и новые революционные формы их распространения. В соответствии с декретом от 30 октября 1917 г. “О порядке утверждения и опубликования законов” новые законы в обязательном порядке должны были печататься в основных газетах, и эти публикации также считались официальными. Печатаемые революционные законы, адресованные широкой публике, советские газеты дополняли их официальными пропагандистскими статьями, существенно содействуя распространению советского законодательства по всей стране в годы становления Советского государства².

В популярных статьях о советском законодательстве пропагандировались идеи советского права. Однако при этом их авторы опирались на суверенную идеологию дореволюционного права. Читателям внушалось, что суверенная власть гарантирует: советский закон защитит трудящихся и накажет их врагов. Таким образом, советская власть широкомасштабно, с беспрецедентным использованием имеющихся в ее распоряжении средств массовой информации информировала население и посредников власти о том, что именно ее закон обеспечит справедливость и порядок. Законотворчество осуществлялось могущественным сувереном (кстати, разогнавшим избранное народом Учредительное собрание), объявлявшим себя действующим от лица Советов именно в интересах народа. В то же время от последнего требовалось активное участие в осуществлении “революционной законности” нового режима.

Одним из нововведений “революционной законности” стала судебная реформа, направленная на укрепление народного компонента судебной власти путем активного включения представителей народа в работу судов [Solomon 1996]. Предполагалось, что участие обычных людей в судебных процедурах должно усилить антибюрократическую политику большевистских лидеров и обеспечить народное правосудие, осязаемое “революционным сознанием масс”. Однако вместо того, чтобы новые люди “привносили жизнь” в суды, местное население, как правило, полагалось на тех, кто уже имел опыт административной и юридической практики.

В документах чиновников Народного комиссариата юстиции РСФСР (Наркомюста) прослеживается интересная преемственность с дореволюционными дискуссиями о недостатках правового развития деревни. Наркомюст также высказывал неудовлетворение работой местных “отсталых” крестьянских судей в сельских судах [Burbank 2004]. В соответствии с волей местных крестьян те же дореволюционные судьи продолжали оставаться на своих должностях, в то время как некоторые “старые” чиновники – например, бывший земский начальник – избирались народными судьями. Это не соответствовало ожиданиям партийных лидеров об оживлении “революционного правосознания” и вызывало бурное негодование в центральном аппарате [Retish 2013].

В то же время, как уже говорилось, сами большевики в значительной степени полагались на опыт “спецов” – специалистов императорской администрации. Это явление обычно интерпретируется как пример прагматизма советской администрации. Однако если несколько сменить угол зрения, отвлечься от политических устремлений и практических потребностей молодого советского правительства и обратиться к обычным пользователям закона, то станет видна другая проекция юридического прагматизма. Выбор бывшего земского начальника в качестве народного судьи, как это фиксирова-

² См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф.Р.-130. В. 662. Л. 23 (Ф. – номер фонда, В. – номер дела, Л. – лист).

ли инспектора Наркомюста, был признанием полезности его юридической экспертизы для избравших его сельских жителей.

Таким образом, посредники и их практические знания о действии закона в России, были прагматически полезны как для тех, кто объявили себя суверенным правительством нового государства, так и для тех, кто продолжали жить в нем. Российская правовая система находилась в процессе восстановления: суверенитет советского правительства осуществлялся через законы посредниками, признанными народом. Стрессоустойчивость права обеспечивалась взаимодействием всех трех основных категорий российского права — суверена, посредников и народа. Это говорит о том, что система российского права была сложной и эластичной. Она не сводилась исключительно к господству государственной власти с ее законами и карательным аппаратом. Паритетное участие властей и народа в деле осуществления властных практик на местах — новая и очень важная тема исторических исследований дореволюционной России [Яковлева 2018].

* * *

В. Нерсисянц тонко подметил специфику советского права, которую он называл “советским легизмом”: «Почему, собственно говоря, учреждения диктатуры пролетариата для классового насилия надо вообще называть “государством” (“пролетарским государством”), а требования и правила такого насилия... “правом” (“пролетарским правом”)»? ...Ведь ясно, что если “государство и право” — только разновидности (разные средства выражения и осуществления) насилия, то они превращаются в лишние, пустые слова, используемые лишь для прикрытия иных дел и мероприятий — для благозвучного наименования насилия, для эксплуатации авторитета, традиционно связанных с этими идеями и понятиями» [Нерсисянц 1997, с. 171].

Замечание Нерсисянца высвечивает очень важный момент: соотношение легализованного насилия и авторитета права. Как показывает проведенное исследование, в 1917–1918 гг. авторитет права не мог основываться исключительно на насилии. Недостаточно говорить и об исключительно формальном использовании закона как средства идеологической пропаганды и управления. Советское право не только карало. Оно также декларировало новые принципы социальной справедливости, которые в форме конкретных положений советских кодексов создавали возможность для посильной защиты гражданами своих прав.

Социальная справедливость при этом, будучи закрепленной в законах, была, как и в имперское время, не универсальной³, а ранжировалась в форме коллективных прав. Эта старая форма имперского правления была хорошо знакома как населению, так и посредникам между народом и властями. Исторические исследования судебной практики показывают, что, несмотря на существенный рост насилия, право как институт сохранилось благодаря деятельному участию всех ключевых элементов, обеспечивающих стрессоустойчивость права в России: суверен, народ и посредники [Borisova, Burbank 2018]⁴.

Использование концептуальной рамки стрессоустойчивости может быть продуктивной основой для исследования преемственности и изменений в истории законодательства и правоприменения. Категория стрессоустойчивости расширяет систематическое понимание государства как экосистемы, в которой власти и люди находятся в динамических отношениях взаимозависимости с более сложной природой, чем просто господство и подчинение.

В заключение скажу несколько слов о критике применения стрессоустойчивости в качестве объяснительной модели для анализа социальных и политических систем, озвученной левыми интеллектуалами и другими критиками неолиберализма [Joseph 2017]. Они не признавали устойчивость как новый “эко-дискурс” неолиберального господства. В их представлении стрессоустойчивость может использоваться как неолиберальная

³ Об отличии социальной справедливости от юридической в России см. [Kuhr-Korolev 2015].

⁴ См. более подробно результаты исследовательского проекта “Russia: Rule of law in question” [Borisova, Burbank 2018].

политическая фикция, которая помогает властям представить свое господство на естественно-научном языке экологического выживания. При этом ответственность власть имущих перекладывается на людей, которые сами должны позаботиться о своей стрессоустойчивости.

Эта критика полезна, потому что, как уже было отмечено, есть стремление воспринимать стрессоустойчивость как однозначно положительную характеристику системы. Революции 1905–1917 гг. показали важность идей естественных прав и свобод личности в России. Однако критический период 1905–1917 гг. выявил живучесть консервативной составляющей российского права с имперской диверсифицированной системой коллективных прав, обеспеченных сувереном-защитником и посредниками. Таким образом, наиболее стрессоустойчивые функции российского права в тот период заключались в приспособлении регулирования прав и свобод личности к нуждам сохранения политической власти и общественного порядка. В ситуации революционных изменений обе модели теоретического осмысления российского права, о которых говорилось вначале – универсальная и традиционная, – сыграли свою роль. Традиционный подход на деле оказался намного сильнее и долговечнее, но не вытеснил универсальный. Причины стрессоустойчивости универсальной перспективы в российском праве требуют отдельного систематического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисова Т.Ю. (2011) Революционное законодательство в 1917–1918 гг.: выбор языка // Новое литературное обозрение. № 108. С. 100–115.
- Вышинский А.Я. (1932) Революционная законность на современном этапе (1917–1932). М.: Тип. Мособлисполкома.
- Ганелин Р.Ш. (1991) Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб.: Наука.
- Декрет СНК “О порядке утверждения и опубликования законов” // Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. Вып. 2 (30 октября).
- Декреты Советской власти (1957) М.: Госполитиздат.
- Карамзин Н.М. (2005) Записка о новой и древней России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука.
- Ковалева И.В. (2002) Ценности правовой культуры в представлениях российского общества конца XIX – начала XX вв. Великий Новгород: Изд-во НовГУ.
- Ленин В.И. (1974) Государство и революция: учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч.. Т. 33. М.: Политиздат. С. 5–119.
- Нерсисянц В. С. (1997) Философия права: Учебник для вузов. М.: Ин-т государства и права РАН.
- Рабинович А. (2003) Революция 1917 г. в Петрограде: Большевики приходят к власти. М.: Весь мир.
- Сталин и Каганович: переписка 1931–1936 гг. (2001) Под ред. О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН.
- Уртман Р. (2004) Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М.: О.Г.И.
- Фельдман Д.М. (2006) Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: Типография “Наука”.
- Яковлева Т.Г. (2018) Практики правоприменения в пореформенной России. Торговцы и власть в Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX вв. СПб.: Дисс. к.и.н.
- Barry D.D., Berman H.J. (1968) The Soviet Legal Profession // The Harvard Law Review. Vol. 82. No 1. Pp. 1–41.
- Berman H.J. (1983) Justice in the USSR: An Interpretation of Soviet Law. Harvard, MA: Harvard Univ. Press.
- Borisova T. (2012) The Legitimacy of the Bolshevik Order, 1917–1918: Language Usage in Revolutionary Russian Law // Review of Central and East European Law. Vol. 37. No. 4. Pp. 395–419.
- Borisova T., Burbank J. (2018) Russia’s legal trajectories // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 19. No. 3. Pp. 469–508.
- Burbank J. (2015) Eurasian Sovereignty: The Case of Kazan // Problems of Post-Communism. Vol. 62. No. 1. Pp. 1–25.
- Burbank J. (2006) Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 7. No. 3. Pp. 397–431.

- Burbank J. (2004) *Russian Peasants go to Court: Legal Culture in the Countryside*. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Holling C.S. (1973) Resilience and Stability of Ecological Systems // *Annual Review of Ecology and Systematics*. Vol. 4. No. 1. Pp. 1–23.
- Holquist P. (2010) “In Accord with State Interests and the People’s Wishes”: The Technocratic Ideology of Imperial Russia’s Resettlement Administration // *Slavic Review*. Vol. 69. No. 1. Pp. 151–179.
- Holquist P. (2003) Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence, 1905–21 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 4. No. 3. Pp. 627–652.
- Joseph J. (2017) Resilience as embedded neoliberalism // *The Routledge Handbook of International Resilience*. Ed. by D. Chandler, J. Coaffee. Abingdon: Routledge (<https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315765006>).
- Kuhr-Korolev C. (2015) *Gerechtigkeit und Herrschaft: Von der Sowjetunion zum Neuen Russland*. München: Wilhelm Fink GmbH & Co.
- Kumar V. (2016) International law, Kelsen and the Aberrant Revolution: Excavating the Politics and Practices of Revolutionary Legality in Rhodesia and Beyond // Rajkovic N.M., Aalberts T.E., Gammeltoft-Hansen T. (Eds.) *The Power of Legality: Practices of International law and their Politics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. Pp. 157–187.
- Rajkovic N.M., Aalberts T.E., Gammeltoft-Hansen T. (Eds.) (2016) *The Power of Legality: Practices of International law and their Politics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Retish A. (2013) Controlling Revolution: Understandings of Violence through the Rural Soviet Courts, 1917–1923 // *Europe-Asia Studies*. Vol. 65. No. 9. Pp. 1789–1806.
- Solomon P. Jr. (1996) *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Trotsky L. (1961) *Terrorism and Communism*. Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan.

On stress resilience of Russian law system (the function of law during the revolutionary years in the beginning of the 20th century)

T. BORISOVA*

***Borisova Tatiana** – candidate of historical sciences, PhD, associate professor of history, National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg. Address: Soyuza Pechatnikov Str., 16, St. Petersburg, 190121, Russian Federation. E-mail: tborisova@hse.ru

Abstract

The article applies conceptual framework of resilience studies to analysis of Russian law’s survival through 1905–1917 revolutions and severe political, social, and economic crisis. Key resource of resilience of Russian law is to be found in dynamic interaction of sovereign, intermediaries and people in legal practices. Distinctive features of this interaction in the revolutionary period of 1917 are described and analyzed as essential for Russian legal tradition.

Keywords: Russian law, Russian legal tradition, sovereignty, resilience, law and revolution.

REFERENCES

- Barry D.D., Berman H.J. (1968) The Soviet Legal Profession. *The Harvard Law Review*, vol. 82, no. 1, pp. 1–41.
- Berman H.J. (1983) *Justice in the USSR: An Interpretation of Soviet Law*. Harvard, MA: Harvard Univ. Press.
- Borisova T. (2012) The Legitimacy of the Bolshevik Order, 1917–1918: Language Usage in Revolutionary Russian Law. *Review of Central and East European Law*, vol. 37, no. 4, pp. 395–419.
- Borisova T. (2011) Revolucionnoe zakonodatelstvo v 1917–1918gg.: vybor yazyka [Revolutionary legislation in 1917–1918: the language choice]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 108, pp. 100–115.
- Borisova T., Burbank J. (2018) Russia’s legal trajectories. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 20, no. 2, pp. 469–508.

- Burbank J. (2015) Eurasian Sovereignty: The Case of Kazan. *Problems of Post-Communism*, vol. 62, no. 1, pp. 1–25.
- Burbank J. (2006) Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 7, no. 3, pp. 397–431.
- Burbank J. (2004) *Russian Peasants go to Court: Legal Culture in the Countryside*. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Dekret SNK “O poryadke utverzhdeniya i opublikovaniya zakonov” [Decree of the Council of Peoples Commissars “On the order of adoption and publication of legislation”]. *Gazeta Vremennogo Rabochego i Krestyanskogo pravitelstva*. 1917, vyp. 2 (30 oktyabrya).
- Dekrety Sovetskoy vlasti [Decrees of the Soviet authorities] (1957) Moscow: Gospolitizdat.
- Feldman D.M. (2006) *Terminologiya vlasti: Sovetskie politicheskie terminy v istoriko-kulturnom kontekste* [Terminology of authorities: Soviet political terms in historical and cultural contexts]. Moscow: Tipografiya “Nauka”.
- Ganelin R.Sh. (1991) *Rossiyskoe samoderzhavie v 1905 godu. Reformy i revolyutsiya* [Russian autocracy in 1905. Reforms and revolution]. St. Petersburg: Nauka.
- Holling C.S. (1973) Resilience and Stability of Ecological Systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*, vol. 4, no. 1, pp. 1–23.
- Holquist P. (2010) “In Accord with State Interests and the People’s Wishes”: The Technocratic Ideology of Imperial Russia’s Resettlement Administration. *Slavic Review*, vol. 69, no. 1, pp. 151–179.
- Holquist P. (2003) Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence, 1905–21. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 4, no. 3, pp. 627–652.
- Joseph J. (2017) Resilience as embedded neoliberalism. *The Routledge Handbook of International Resilience*. Ed. by D. Chandler, J. Coaffee. Abingdon: Routledge.
- Karamzin N.M. (2005) *Zapiska o novoy i drevney Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otноsheniyakh* [Memoir on ancient and modern Russia]. Moscow: Nauka.
- Kovaleva I.V. (2002) *Tsennosti pravovoy kultury v predstavleniyakh rossiyskogo obshchestva kontsa XIX – nachala XX vv.* [Values of legal culture as imagined by Russian society in the end of the 19th – early 20th centuries]. Velikiy Novgorod: Izd-vo NovGU.
- Kuhr-Korolev C. (2015) *Gerechtigkeit und Herrschaft: Von der Sowjetunion zum Neuen Russland*. München: Wilhelm Fink GmbH & Co.
- Kumar V. (2016) International law, Kelsen and the Aberrant Revolution: Excavating the Politics and Practices of Revolutionary Legality in Rhodesia and Beyond. In: Rajkovic N.M., Aalberts T.E., Gammeltoft-Hansen T. (Eds.) *The Power of Legality: Practices of International Law and their Politics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 157–187.
- Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya: uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyutsii [State and Revolution: Marxism on state and objectives the proletariat in Revolution]. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.*, vol. 33. Moscow: Politizdat, pp. 5–119.
- Rabinovich A. (2003) *Revolutsiya 1917 g. v Petrograde: Bolsheviki prikhodyat k vlasti*. [The Bol’sheviki come to power: the Revolution of 1917 in Petrograd]. Moscow: Ves’ mir.
- Rajkovic N.M., Aalberts T.E., Gammeltoft-Hansen T. (Eds.) (2016) *The Power of Legality: Practices of International law and their Politics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Retish A. (2013) Controlling Revolution: Understandings of Violence through the Rural Soviet Courts, 1917–1923. *Europe-Asia Studies*, vol. 65, no. 9, pp. 1789–1806.
- Solomon P. Jr. (1996) *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Stalin i Kaganovich: perepiska 1931–1936 gg.* [Stalin to Kaganovich, 1931–1936] (2001) Pod red. O.V. Khlevnyuk et al. Moscow: ROSSPEN.
- Trotsky L. (1961) *Terrorism and Communism*. Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan.
- Vyshinskiy A.Ya. (1932) *Revolucionnaya zakonnost’ na sovremennom etape (1917–1932)* [Revolutionary legality at the current moment]. Moscow: Tip. Mosoblispolkoma.
- Wortman R. (2004) *Stsenarii vlasti* [Scenarios of power]. In 2 vols. Moscow: OGI.
- Yakovleva T.G. (2018) *Praktiki pravoprimeneniya v poreformennoy Rossii. Torgovtsy i vlast v Eniseyskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.*, diss. k.i.n. [Practices of law enforcement in late imperial Russia. Shopkeepers and authorities in Yenisei region in second half of the 19th–early 20th centuries. PhD dissertation in History]. St. Petersburg.